

Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие

Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса

УДК 316
ББК 60.5
С69

Российское общество социологов
Институт социологии РАН
Академия наук Республики Башкортостан
ГБНУ «Институт социально-политических и правовых исследований
Республики Башкортостан»

Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие

Уфа 23–25 октября 2012 г.

С69 Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие
[Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012. — 1 CD ROM.
ISBN 978–5–904804–06–0

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978–5–904804–06–0

© РОС, 2012; © Авторы статей, 2012

При поддержке РГНФ, грант № 12-03-14107

Уфа 2012

Гаврилов К. А., Москва

Ценность жизни и ценность сообщества в ситуации риска: перспективы социологического анализа¹

Аннотация

Рассматриваются возможности использования категории «ценность сообщества» при изучении риска. На примере исследований «психофизической нечувствительности» показан возможный вклад социологи, основанный на задействовании ресурсов функционализма и подхода, изучающего «народную социологию».

Ключевые слова: риск, ценность жизни, ценность сообщества, психофизическая нечувствительность

Постановка исследовательской задачи

Категория ценности жизни связана с ядром исследований риска. В настоящее время ценность жизни в рискологических подходах понимается либо как некая *причина*, придающая значимость последствиям, либо как универсальная *мера* последствий, позволяющая сравнивать риски между собой. При этом существующие рискологические подходы, затрагивающие тематику ценности жизни (сформировавшиеся преимущественно в дисциплинарных рамках экономики [1; 2; 3] и когнитивной психологии [4; 5], если и используют категорию (воспринимаемой) ценности сообщества, то понимают ее как механическую сумму ценности отдельных индивидов, что представляется проблематичным с социологической точки зрения. Требуется рефлексия по поводу продуктивности использования категории ценности сообщества в рискологических подходах. Обозначим направления такой рефлексии на примере исследований «психофизической нечувствительности» (“psychophysical numbing”).

¹ В данной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0151 «Восприятие ценности жизни в ситуации риска: перспективы социологического анализа», реализованного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг.

Исследования «психофизической нечувствительности»

В основе этих исследований лежит представление, что при выборе программ, нацеленных на спасение людей, наша готовность помогать, ровно как и острота переживаемых эмоций, существенно зависит от характеристик страдающих, прежде всего, от их количества. Согласно принципу «психофизической нечувствительности», чем больше число спасаемых жизней, тем менее мы чувствительны к приращению этого количества на некоторую фиксированную величину [6–9]. Наша эмоциональная реакция и готовность помочь двум (трем, четырем и так далее) нуждающимся отнюдь не в два (три, четыре и так далее) раза выше, чем готовность оказать помощь отдельному лицу, находящемуся в той же ситуации.

Например, «привлекательность» мероприятия, которое приведет к снижению числа умерших с 99 тыс. человек до 98 тыс. окажется скорее всего ниже, чем мероприятия, итогом реализации которого станет 1 тыс. смертей вместо 2 тыс. Это следствие значимо не только потому, что расходуется с на первый взгляд очевидным представлением, согласно которому «жизнь есть жизнь». Важно следующее: «точка отсчета» может быть смещена в ту или иную сторону «при другом описании» той же самой ситуации. Речь идет о так называемом эффекте «референтной группы». В качестве объекта референции выступает не только количество жертв, но и численность группы (сообщества) как таковая. Спасение 1 тыс. жизней воспринимается как более предпочтительное, если речь идет о сообществе численностью 5 тыс. человек по сравнению с сообществом из 50 тыс. человек.

Так, эксперимент Д.Фетерстонхафа и коллег предполагал не прямое сравнение двух программ помощи беженцам Руанды [7]. Обе программы обеспечивали разные лагеря беженцев чистой питьевой водой, их ожидаемый эффект был одинаков: 4500 спасенных людей, которые иначе умерли бы от холеры. Разница программ состояла только в том, что первая направлена на лагерь из 250000 беженцев, а вторая – на лагерь из 11000. Результаты исследования свидетельствуют о том, что для респондентов была более предпочтительна программа, рассчитанная на помощь беженцам из маленького лагеря.

Мы же намерены сделать акцент на том, что предпочтения могут зависеть также от специфики того сообщества, представители которого могут пострадать. Это сообщество может восприниматься как нечто ценное само по себе, что не может не повлиять на оценки. Какие существуют теоретические основания для такого предположения? Для ответа на этот вопрос обратимся к двум источникам – функционализму М.Дуглас и «народной социологии».

Функционализм и «социология восприятия». М. Дуглас

На первый взгляд кажется очевидным, что о ценности сообщества следует говорить с позиции функционализма: именно в рамках этой «парадигмы» делается акцент на изучении «социальных систем», что позволяет объяснить феномены индивидуального уровня [10, с. 61-76]. Однако в контексте нашей задачи — обозначить перспективы изучения ценности сообщества на примере исследований «психофизической нечувствительности» — необходимо сместить фокус в сторону *восприятия* отдельных социальных образований. Именно поэтому кажется плодотворным обращение к идеям М.Дуглас, которая говорила о «социологии восприятия» и о необходимости изучения социальных причин «смещений» восприятия (perceptual bias) [11].

Одна из гипотез М.Дуглас состояла в том, что ключ к пониманию специфики восприятия того или иного феномена — коллективные представления (понимаемые в дюркгеймовском смысле), которые, в свою очередь, функциональны по отношению к социальному контексту. Для удобства работы Дуглас выделила несколько типов организационных форм, социальных структур или социальных контекстов, которые и «порождают» определенные «культуры» (совокупность представлений и убеждений) — словом, влияют на восприятие индивидами окружающего, в том числе социального мира. Согласно одной из предложенных классификаций, можно выделить четыре таких типа: индивидуалистический, иерархический, фракционный (сектантский) и фаталистический социальный контекст [11].

Полагаем, что для каждой «культуры» характерно свое восприятие ценности человеческой жизни и сообщества, что накладывает отпечаток на подверженность принципу «психофизической нечувствительности».

Можно выдвинуть гипотезу, что для индивидуалистического контекста — возвеличивающего индивида и ставящего его в центр вселенной — в большей степени характерно представление о том, что «жизнь есть жизнь». Именно в этом контексте, скорее всего, будет существовать восприятие человеческой жизни как абсолютной ценности, при недостаточном внимании к ценности социального целого. Впрочем, для представителей данного контекста характерно восприятие окружающего мира, в том числе других людей, в терминах затрат и выгод, что характерно скорее для мышления индивидов, подверженных принципу «психофизической нечувствительности» (см.: [8]). Независимо от того, какое из двух предположений верно, можно утверждать, что социальному целому носители индивидуалистической культуры едва ли будут приписывать значимую ценность.

Напротив, и для иерархического контекста, и для эгалитаристского социального контекста характерен примат социального целого над индивидуальным, а значит, принцип «жизнь есть жизнь» не может быть основополагающим принципом мышления. Для иерархического социального контекста существенной ценностью выступает социальный порядок,

гарантирующий непрерывность существования статусов и ролей, соответствующих норм и правил. В этой социальной системе, где существует разработанная система общественных классификаций, регулирующих поведение членов связанных групп, сохранение сообществ, непрерывность выполнения ими своих функций, является значимой ценностью. И в этом смысле спасение 90% членов некоторого сообщества гораздо более рационально, чем 10% другого, даже если во втором случае абсолютное число жизней больше.

Специфика эгалитаристского социального контекста, характеризуемого наличием границы между сплоченной группой или организацией и внешним миром, скорее всего, будет способствовать восприятию индивидом собственной жизни как чего-то сравнительно менее ценного, чем жизни «своего» сообщества, поскольку именно целостность группы должна быть защищена в первую очередь. Кроме того, этот контекст формирует специфическое восприятие других индивидов и социальных образований: внешний мир не только находится за пределами групповой границы и рассматривается как слабо дифференцированный, но и ассоциируется с силами зла, а значит, можно ожидать существование принципиального различия в восприятии ценности жизни индивида и «своей» группы в отличие от ценности «аутсайдеров» и других сообществ, находящихся за границей рассматриваемой группы. Таким образом, сообщества, выступающие в качестве референтных групп в исследованиях «психофизической нечувствительности», могут обладать специфической (в том числе «заниженной») ценностью в глазах представителей «эгалитаристской культуры».

Фаталистический социальный контекст определяется полной регламентацией индивидуального поведения посредством безличных норм и правил. Как и в случае индивидуалистического контекста, едва ли социальному целому здесь может приписываться ценность, поскольку в жизни таких индивидов эти социальные образования не играют какой-либо роли.

Итак, представители иерархического и эгалитаристского контекстов могут воспринимать социальные образования — в том числе упомянутые референтные группы — как нечто ценное, а значит, это обстоятельство следует учитывать при объяснении принципа «психофизической нечувствительности».

Ценность социальных образований: взгляд «народной социологии»

Исследования «народной социологии» (“Folk Sociology”) — появившиеся преимущественно в рамках когнитивной науки [12; см. также: 13]. Одно из значимых направлений в рамках этой области основывается на идее, что группы различаются в зависимости от воспринимаемой степени связанности, единства [14–20]. Осуществляется поиск свидетельств в пользу существования так называемого «континуума реального существо-

вания» (continuum of entitativity), на котором могут быть расположены все группы, то есть что некоторые группы воспринимаются как более реальные, чем другие.

Важнейшая задача этого подхода — найти, какие свойства самих социальных образований влияют на то, что они воспринимаются в качестве «реальных» образований. Не претендуя на исчерпывающий перечень, приведем некоторые из этих свойств:

- интенсивность взаимодействия членов сообщества [15];
- культурная длительность, то есть преемственность ценностей, традиций и обычаев [19];
- наличие воспринимаемых сходных черт у представителей группы [21; 22];
- наличие некоторого скрытого единства, общего признака [16];
- наличие общих целей и результатов деятельности [15; 17];
- наличие четкой границы с внешним миром [16; 22];
- продолжительность существования сообщества, «общая судьба», «историческая длительность», стабильность [15; 16; 19; 22].

Указанные результаты позволяют сформулировать следующую гипотезу: чем более реальным воспринимается некоторое сообщество, тем большую ценность ему приписывается. Это значит, что варьирование степени реальности референтной группы способно повлиять на проявление эффекта «психофизической нечувствительности». Например, известно, что спасение 1 тыс. жизней воспринимается как более предпочтительное, если речь идет о сообществе А численностью 5 тыс. человек по сравнению с сообществом Б из 50 тыс. человек. Однако эта разница в степени предпочтении, скорее всего, будет зависеть от специфики этих социальных образований: если сообщество А — не воспринимается в качестве реального, а Б, напротив, характеризуется высокой степенью «связанности» и «целостности», то указанная разница будет менее значительной.

Заключение. На пути к эмпирическому исследованию

Для эмпирической проверки предположений, вытекающих как из положений функционализма (1), так и из исследований «обыденных теорий» групп и сообществ (2), предлагаются следующие решения.

1. К настоящему времени не предложено надежной методики идентификации типа социального контекста [23, с. 151-167], которая бы в значительной степени соответствовала подходу М.Дуглас. Наибольшую распространенность получили так называемые «шкалы Дейка» [24], однако использование их в исследованиях не всегда оказывалось плодотворным [25; 26]. Более адекватной — с точки зрения исходной теории М.Дуглас —

выглядит модификация «шкал Дейка», предложенная С.Риппл [27]. Эта методика уже использовалась в масштабных национальных исследованиях [28], именно ее мы предлагаем взять за основу.

Для проведения эмпирического исследования предлагаемые С.Риппл суждения были переведены на русский язык, затем другим исследователем осуществлен обратный перевод – с последующим сравнением исходных суждений с оригинальным. Несоответствия были предметом совместного обсуждения, все противоречия были сняты. Использование данной методики позволит выявить представителей различных «культур» при проведении опроса.

2. Для проверки положений, вытекающих из «обыденных теорий» групп и сообществ, предлагается использовать экспериментальный план, где зависимой переменной, как и в исследованиях «психофизической нечувствительности», выступает мера предпочтения той или иной программы по спасению жизни.

Варьировать предлагается три фактора:

Фактор 1: Доля представителей сообщества, которая погибнет при реализации рассматриваемой программы.

Фактор 2: Численность референтной группы.

Фактор 3: Степень «реальности» («связанности», «целостности») референтной группы.

Если первые два фактора – традиционные для исследований «психофизической нечувствительности» [7], то третий введен именно в контексте проверки гипотезы о влиянии обыденных представлений о группах и сообществах на оценки. К настоящему времени разработано два сценария, в которых варьируются указанные факторы.

Первый во многом воспроизводит упомянутый «классический» эксперимент Фетерстонхафа и коллег [7] о программах помощи лагерям беженцев. Однако введен новый фактор 3, имеющий 3 уровня:

1. Отсутствие дополнительной информации о лагере беженцев.
2. Лагерь беженцев представляется как в незначительной степени связанное сообщество.
3. Лагерь беженцев представляется как высоко «связанное» сообщество.

Различия между 2 и 3 уровнем были сконструированы с использованием свойств сообществ, влияющих на восприятие социальных образований как «реальных» (см. ниже таблицу 1).

Таблица 1

**Низкая и высокая степень воспринимаемой «реальности» сообщества
(лагерь беженцев)**

Свойства сообщества	Низкая степень «реальности» (уровень 2 фактора 3)	Высокая степень «реальности» (уровень 3 фактора 3)
«Историческая длительность», «общая судьба»; наличие четкой границы	Жители разных приграничных населенных пунктов, между которыми ведется активная торговля.	Жители одного приграничного населенного пункта; связи с другими населенными пунктами минимальны
«Культурная длительность»	Различные традиции и религиозные верования	Все – носители особых традиций, у них своя собственная религия
Наличие скрытого единства	Представители разных народов и этнических групп	Представители одного народа
Наличие воспринимаемых сходных черт	Говорят на разных диалектах	Говорят на собственном диалекте

Второй сценарий включает в себя описание ситуации, согласно которой террористы крупную Гидроэлектростанцию, расположенную вблизи населенного пункта. Испытуемому предлагается принять решение, в результате которого могут пострадать жители этого города. Фактор 3 в этом сценарии имеет 2 уровня:

1. Пострадавшие представляются как без детального описания (только одна характеристика).
2. Пострадавшие представляются как высоко «связанное» сообщество.

Различия между этими двумя уровнями были также с учетом предыдущих исследований (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Низкая и высокая степень воспринимаемой «реальности» сообщества
(населенный пункт, расположенный ниже ГЭС)**

Свойства сообщества	Низкая степень «реальности» / описания нет (уровень 2 фактора 3)	Высокая степень «реальности» (уровень 3 фактора 3)
«Историческая длительность», «общая судьба»	-	Город образован на месте села, существовавшего еще с XVII в.
Наличие четкой границы	Затопление части города	Затопление всего города. Город в значительной степени изолирован от других городов региона.
Наличие общих целей и результатов деятельности	-	Еще до строительства крупнейшей ГЭС в регионе, в городе были созданы производства по обработке древесины.

Такое содержание фактора 3 будет использоваться только в том случае, если по результатам пилотажа предыдущего сценария (о лагере беженцев) будет показано отсутствие различий между уровнями 1 и 2 фактора 3.

Судить о продуктивности предлагаемых сценариев для указанных исследовательских задач можно будет только после пилотажа.

Библиографический список

1. Cookson R. Incorporating Psycho-Social Considerations into Health Valuation: An Experimental Study // *Journal of Health Economics*. 2000. Vol. 19. PP. 369-401.
2. Mishan E.J. Evaluation of Life and Limb: a Theoretical Approach // *Journal of Political Economy*. 1971. Vol. 79. No. 4. P. 687-705.
3. Viscusi K. W., Aldy J. E. The Value of a Statistical Life: A Critical Review of Market Estimates Throughout the World // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2003. Vol. 27. PP. 5-76.
4. Tversky A., Kahneman D. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // *Science*. 1981. Vol. 211, No. 4481. PP. 453-458.
5. Levin I. P., Chapman D. P. Risk Taking, Frame of Reference, and Characterization of Victim Groups in AIDS Treatment Decisions // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1990. Vol. 26. PP. 421-434.
6. Baron J. Confusion of Relative and Absolute Risk in Valuation // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1997. Vol. 14. PP. 301-309.
7. Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S.M., Friedrich J. Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbing // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1997. Vol. 14. No. 3. PP. 283-300.
8. Friedrich J., Barnes P., Chapin K., Dawson I., Garst V., Kerr D. Psychophysical Numbing: When Lives Are Valued Less as the Lives at Risk Increase // *Journal of Consumer Psychology*. 1999. Vol. 8. No. 3. PP. 277-299.
9. Slovic P. "If I look at the mass I will never act": Psychic Numbing and Genocide // *Judgment and Decision Making*. 2007. Vol. 2. No. 2. PP. 79-95.
10. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
11. Douglas M. Introduction to Grid/Group Analysis // *Essays in the Sociology of Perception*. Routledge & Kegan Paul, London, 1982. PP. 1-8.
12. Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // *Социол. исслед.* 2010. №9. С. 3-17.

13. Hirschfeld L. On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. No. 2. PP. 107–117.
14. Hamilton D., Sherman S. Perceiving Persons and Groups // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103. No. 2. PP. 336-355.
15. Lickel B. Hamilton D., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S., Uhles A. Varieties of Groups and the Perception of Group Entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No. 2. PP. 223-246.
16. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist beliefs about social categories // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39. PP. 113-127.
17. Kashima Y., Kashima E., Chiu C., Farsides T., Gelfand M., Hong Y., Kim U., Strack F., Werth L., Yuki M., Yzerbyt V. Culture, essentialism, and agency: Are individuals universally believed to be more real entities than groups? // *European Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 35. PP. 147–169.
18. Sacchi S., Castano E., Brauer M. Perceiving one's nation: Entitativity, agency and security in the international arena // *International Journal of Psychology*. 2009. Vol. 44. No. 5. PP. 321–332.
19. Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y. Perceived collective continuity: Seeing groups as entities that move through time // *European Journal of Social Psychology*. 2007. Vol. 37. PP. 1118–1134.
20. Агадуллина Е.Р. Понятие «целостности» социальной группы // *Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования*. 2010. № 2(7). С. 7-20.
21. Castano E., Yzerbyt V., Paladino M.-P., Sacchi S. I Belong, therefore, I Exist: Ingroup Identification, Ingroup Entitativity, and Ingroup Bias // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. No. 2. PP. 135-143.
22. Yzerbyt V., Castano E., Leyens J.-Ph., Paladino P. The primacy of the ingroup: The interplay of entitativity and identification // *European Review of Social Psychology*. 2000. Vol. 11. PP. 257-295.
23. Гаврилов К.А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов. М.: ИС РАН, 2009.
24. Dake K. Orienting dispositions in the perception of risk: an analysis of contemporary worldviews and cultural biases // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1991. Vol. 22. PP. 61-82.
25. Вилдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // *THESIS*. 1994. № 5. С. 268-276.
26. Sjöberg L. World Views, Political Attitudes and Risk Perception // *Risk: Health, Safety & Environment*. 1998. Vol. 137. P. 149-150.
27. Rippl S. Cultural Theory and Risk Perception: a Proposal for a Better Measurement // *Journal of Risk Research*. 2002. Vol. 5. PP. 147-165.
28. Olofsson A., Rashid S. The White (Male) Effect and Risk Perception: Can Equality Make a Difference? // *Risk Analysis*. 2011. Vol. 31. No. 6. P. 1016-1032.